

В.В. Маяковский

Разговор с фининспектором о поэзии

Гражданин фининспектор!
Простите за беспокойство.
Спасибо...
не тревожьтесь...
я постою...
У меня к вам
дело
деликатного свойства:
о месте
поэта
в рабочем строю.
В ряду
имеющих
лабазы и уголья
и я обложен
и должен караться.
Вы требуете
с меня
пятьсот в полугодие
и двадцать пять
за неподачу деклараций.
Труд мой
любому
труду
родствен.
Взгляните —
сколько я потерял,
какие
издержки
в моем производстве
и сколько тратится
на материал.
Вам,
конечно, известно
явление «рифмы».
Скажем,
строчка
окончилась словом
«отца»,
и тогда
через строчку,
слога повторив, мы
ставим
какое-нибудь:
ламцадрица-ца́.
Говоря по-вашему,

чтобы
 добыть
 драгоценное слово
из артезианских
 людских глубин.
И сразу
 ниже
 налога рост.
Скиньте
 с обложенья
 нуля колесо!
Рубль девяносто
 сотня папирос,
рубль шестьдесят
 столовая соль.
В вашей анкете
 вопросов масса:
— Были выезды?
 Или выездов нет?—
А что,
 если я
 десяток пегасов
загнал
 за последние
 15 лет?!
У вас —
 в мое положение войдите —
про слуг
 и имущество
 с этого угла.
А что,
 если я
 народа водитель
и одновременно —
 народный слуга?
Класс
 гласит
 из слова из нашего,
а мы,
 пролетарии,
 двигатели пера.
Машину
 души
 с годами изнашиваешь.
Говорят:
 — в архив,
 исписался,
 пора! —
Все меньше любитя,
 все меньше дерзается,

в ряду
 беднейших
 рабочих и крестьян.
А если
 вам кажется,
 что всего делов —
это пользоваться
 чужими словесами,
то вот вам,
 товарищи,
 мое стилó,
и можете
 писать
 сами!

1926